

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ

В 1920–1924 гг. торгово-экономические отношения Советского государства со странами Запада были составной частью более широкого вопроса о восстановлении европейской экономики, пострадавшей от Первой мировой войны, а также связанных с ней социальных и политических потрясений. В решении этого вопроса были заинтересованы европейские и неевропейские, воевавшие и невоевавшие страны, великие державы и малые государства. И все они достаточно ясно понимали, что залогом успеха является международное сотрудничество.

Такой подход разделял и советский НКВД. В ноте 28 октября 1921 г., разосланной в европейские столицы, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин отмечал, что «с точки зрения длительных интересов и постоянных потребностей всех государств и всех народов хозяйственное восстановление России есть первостепенная задача не только для нее, но и для них»¹. Собственно, и на Западе понимали, что решить проблему едва ли не глобального масштаба без России нельзя. 24 января 1923 г. Ф. Гренар, в прошлом генеральный консул Франции в Москве, выразил это мнение предельно четко: «Несомненно, Европа представляет собой единый блок, в котором события, происходящие в одной его части, влияют на события в другой. Но и весь мир также есть единый блок...»².

Подобный подход разделялся и высшим руководством западных государств. В коммюнике от 24 августа 1920 г. о встрече глав правительств Великобритании и Италии отмечалось, что премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж и его итальянский визави Дж. Джолитти подчеркивали, что «до установления мира между Россией и остальным миром атмосфера беспокойства и нарушения порядка будет продолжать угрожать миру... До полного прекращения этих конфликтов развитие сельского хозяйства, промышленности и обмена товаров

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1–24. М.: Госполитиздат; Политиздат; Международные отношения, 1959–2000 (далее — ДВП СССР). Т. 4. С. 446.

² Documents diplomatiques français (далее — DDF). 1923. Т. I. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2010. P. 122.

между различными странами и климатами, от которых зависит экономическая жизнь народов, не может вполне возобновиться»³. 28 марта 1922 г., говоря для своих коллег по кабинету министров о значении грядущей Генуэзской конференции, Ллойд Джордж указывал на то, что корнем британских экономических проблем являлась «ситуация нестабильности на востоке [Европы], которая волнует торговца и делает его подозрительным». До установления более или менее стабильной обстановки «полноценного восстановления торговли не будет»⁴.

Промышленные и сельскохозяйственные ресурсы Советского государства, его обширный рынок для сбыта продукции других стран, необходимость военно-политической стабилизации на востоке Европы, немыслимой без его участия, — это и многое другое побуждало руководство западных государств с надеждой взирать на Москву. Осенью 1919 г. эксперты британского министерства продовольствия отмечали, что только поставки из России могут предотвратить дефицит хлеба в Восточной Европе⁵. Однако в условиях катастрофического голода 1921–1922 гг. советским властям приходилось самим закупать зерно в США, расплачиваясь золотом⁶. Эта сделка была весьма выгодна для американских экспортеров, страдавших от резко упавших после войны цен на зерновые. Как отмечает историк, «оказание помощи голодающим европейцам стало своего рода специализацией американцев. Мировой рынок продовольствия находился в состоянии свободного падения, и в стране скопились огромные запасы пшеницы, от которой необходимо было избавиться»⁷.

Вместе с тем ожидалось, что спрос со стороны Советской России поможет восстановить промышленное производство и ликвидировать послевоенную безработицу. Выступая 28 января 1921 г. в палате депутатов, министр торговли Франции Л. Диор утверждал, что «подлинная причина безработицы в том, что события на Востоке и в России лишили [мировую экономику] 140 миллионов потребителей»⁸. Хотя эта оценка представляется завышенной, она, очевидно, свидетельствовала о заинтересованности широких политических и деловых кругов Франции в восстановлении торговли с Россией. В мае 1922 г. одна из деловых британских газет, «Ист-Англия Дейли таймс», опубликовала статью «Ухватиться за русскую торговлю» с подробным изложением высказываний некоего Л. Джеке-ла, сделанных в торговой и судоходной палате г. Ипсвич. Выходец из Эстонии, этот частный предприниматель совершил ознакомительную поездку по приграничным с советскими республиками государствам. По ее результатам он реко-

³ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. (далее — СПО) / Под общ. ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. Т. 1. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 173–174.

⁴ Conclusions of a meeting of the Cabinet... 28 March 1922 // The National Archives (далее — TNA). CAB 23/29. С.С. (21) 22. F. 337. См. также примечание 7 в главе 4. (Прим. науч. ред.)

⁵ Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. Vol. 7. L.: HMSO, 1958. P. 197–201.

⁶ См.: ДВП СССР. Т. 4. С. 442–444.

⁷ Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 530.

⁸ Цит. по: *Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917–1924*. P.: Publications de la Sorbonne, 1981. P. 193.

мендовал британским деловым кругам создать на территории государств-лимитрофов запасы товаров, чтобы при первой возможности предложить их советским властям. Бизнесмен рассчитывал на большие выгоды от оплаты поставок золотом со стороны Советского государства, а также предвидел широкие перспективы для развития британской торговли: «Веками Россия была крупнейшим потребителем промышленных изделий, и когда в России снова будет наведен порядок, она еще долго останется одним из самых крупных потребителей»⁹. Собственно, о том же твердила и советская пропаганда, сулившая властям зарубежных стран снижение весьма беспокоившей их безработицы в результате возобновления полномасштабных торговых отношений. В октябре 1923 г. советский полпред в Великобритании Х. Г. Раковский, в прошлом председатель совета народных комиссаров и нарком иностранных дел Украинской советской социалистической республики, в одном из выступлений обещал, что Советский Союз «может дать работу тысячам рабочим за рубежом в случае восстановления нормальных политических и экономических отношений между ним и капиталистическими государствами»¹⁰.

§1. Ликвидный ресурс страны Советов

Находящееся в условиях колоссального экономического упадка и технологической деградации Советское государство интересовало западные страны прежде всего как поставщик сырья. По сравнению с дореволюционной Россией масштабы его внешнеторговых операций резко сократились. 18 декабря 1925 г., выступая в статусе генерального секретаря партии с отчетом на XIV съезде ВКП(б), И. В. Сталин отмечал: «Если весь наш торговый оборот за 1913 г. принять за 100, то окажется, что в 1923/24 году мы в своей внешней торговле достигли 21% довоенного уровня, в 1924/25 году — 26% довоенного уровня»¹¹.

Потребность Советского государства в западных технологиях, которые можно было получить в обмен на сырье, достаточно откровенно признавалась некоторыми большевиками. Глава советской торговой делегации в Великобритании Л. Б. Красин, до революции являвшийся главой генерального представительства в России немецкой фирмы «Сименс и Шуккерт», на переговорах с британцами 31 мая 1920 г. отмечал: «Россия весьма нуждается в помощи для восстановления ее транспорта и для надлежащего развития ее промышленности. Она хорошо понимает, что помощь возможна только в том случае, если она сможет скорее восстановить свою экспортную торговлю, а именно: торговлю хлебом, льном, лесом и т.д.»¹². По официальным советским данным, удельный вес (в стоимостном выражении) средств производства в советском импорте за период с 1924/25 г. по 1925/26 г. вырос с 68,5 до 82,6%; удельный вес импорта собственно машин и оборудования, со-

⁹ Перепечатано в: *The United Manufacturers Journal*. June 1922. No. 38. P. 123.

¹⁰ *Rakovsky C. G. Russia's Economic Future*. L.: National «Hands off Russia» Committee, 1923. P. 8.

¹¹ *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 1–13. М.: Госполитиздат, 1946–1951. Т. 7. С. 312–313.

¹² СПО. Т. 1. С. 87–88.

ставлявший 29,3% еще в 1922/23 г., затем несколько снизился (16,6% в 1924/25 г.), однако начиная с 1925/26 г. неуклонно рос (до 51,2% в 1930 г.)¹³.

В общей стоимости советского экспорта в Европу, составлявшего в 1920 г. ничтожно малую величину (1,4 млн руб.), но затем постепенно возроставшего (до 133,9 млн в 1922/23 г. и 337 млн руб. в 1924 г.), традиционные сырьевые и продовольственные статьи занимали внушительное место: рожь, ячмень, пшеница и овес — около 25% от общей стоимости (данные на 1922/23 г.), пилолесоматериалы и фанера — ок. 16, лен и пенька — ок. 12, нефть и нефтепродукты — около 8, жмыхи (семена масличных растений после выделения из них жира прессованием) — 5, пушнина и шерсть — около 5, кожсырье и щетина — около 4,6% и т.д.¹⁴ Как отмечали представители британского Конгресса тред-юнионов, посетившие СССР в конце 1924 г., «основные продукты экспорта дает сельское хозяйство, около 80 процентов от общего объема...»¹⁵. Если преобладание продовольствия и сырья в экспорте роднило Советское государство с Российской империей, то объемы их вывоза как в валовом, так и в стоимостном выражении были ниже. Объемы вывоза льна — одной из главных статей российского и советского экспорта — стремительно росли (с 1,5 тыс. т в 1920 г. до 49,6 тыс. т в 1924 г.), однако оставались гораздо ниже довоенных (более 272 тыс. т в 1913 г.)¹⁶.

В октябре 1923 г. Раковский обещал, что СССР будет поставлять в страны Запада не только зерно, но и энергоресурсы. Согласно его данным, добыча угля в Донбассе последовательно росла (с 618 тыс. т в июле—сентябре 1921 г. до 1,744 млн т в аналогичный период 1923 г.), наблюдался и рост нефтедобычи. «Экспорт нефти за границу в прошлом году составил 2,77 млн т, в этом году — как минимум, 4,9 млн», — подчеркивал советский полпред¹⁷.

Советская нефть, добыча которой в первой половине 20-х годов непрерывно возрастала, действительно, представляла большой интерес для зарубежных партнеров. По данным «Ежегодника государственного деятеля» за 1925 г.¹⁸, авторитетного справочника, издававшегося в Великобритании, объем производства советских нефтепромыслов в 1922 г. составлял около 4 млн т, а в 1924 г. превысил 6,6 млн тонн. По этому показателю Советскому государству не было равных в Европе. Ему существенно уступал ближайший конкурент — Румыния, где в 1922—

¹³ Мишустин Д. Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР. М.: Международная книга, 1938. С. 29, 37. Приведение данных по так называемым операционным годам (октябрь предыдущего — сентябрь следующего) связано с переходом, осуществленным советской статистикой на подобную систему отчетности в 1921 г. (она заменила предыдущую отчетность по календарным годам).

¹⁴ Подсчитано на основе: Внешняя торговля Союза ССР за 1918—1927/28 годы. Статистический сборник / Под ред. А. Винокура и С. Бакулина. Л.: ОГИЗ, 1931. С. XVI, 94—100.

¹⁵ Russia. The Official Report of the British Trades Union Delegation to Russia in November and December, 1924. L.: Trades Union Congress General Council, 1925. P. 74.

¹⁶ Кондратьев Н. Д. Мировой рынок и проблема экспорта льна // Пути сельского хозяйства. 1926. № 1(7). С. 3—8.

¹⁷ Rakovskiy C. G. Op. cit. P. 4.

¹⁸ Цит. по: Fischer L. Oil Imperialism: The International Struggle for Petroleum. NY.: International Publishers, 1926. P. 123. См.: Иголкин А. А. Советская нефтяная промышленность в 1921—1928 годах. М.: РГГУ, 1999.

1924 г. добыча нефти увеличилась приблизительно с 1,4 млн т до 1,8 млн т. Обнадеживающе выглядели и перспективы развития советской нефтедобывающей промышленности. В 1931 г. 2-е Бюро французского генштаба полагало, что СССР обладает 35% мировых запасов нефти¹⁹.

Советская нефть пользовалась устойчивым спросом на внешних рынках. Но его зарубежные участники преследовали разные цели. Подобно тому как алмазная компания «Де Бирс» скупала советские бриллианты, чтобы снизить их предложение на рынке и, следовательно, не допустить падения цен, так и международные нефтяные гиганты, вроде англо-голландской «Ройял-Датч Шелл» и американской «Стандарт Ойл», опасались, что рост предложения советской нефти на рынке приведет к снижению их доходов. Во всяком случае, еще до мировой войны, в 1911 г., «Ройял-Датч Шелл» выкупила долю семейства Ротшильдов в бакинских нефтепромыслах, а после 1917 г. начала скупать акции и других компаний, принадлежащие русским беженцам. Так же действовала «Стандарт Ойл», купившая крупные активы семейства Нобель. В то, что советская власть когда-нибудь придет в Закавказье и тем более удержится там надолго, западные воротилы нефтяного бизнеса не верили — и крупно просчитались.

На протяжении 1920-х годов глава «Ройял-Датч Шелл» Г. Детердинг неоднократно пытался создать «единый фронт» с французскими дельцами, чтобы выдвинуть общий список требований к Советскому государству. В декабре 1921 г. он в рамках подготовки к Генуэзской конференции провел серию встреч с Л. Пино, вторым человеком в государственном управлении Франции по нефти и топливу. Не увенчались успехом и попытки «Ройял-Датч Шелл» сформировать альянс со «Стандарт Ойл», хотя переговоры между ними продолжались до сентября 1922 г., когда уже активно шла подготовка к открытию Лозаннской конференции, в повестке дня которой стояли вопросы о мирном договоре с Турцией и конвенции о Черноморских проливах²⁰.

В этих условиях конкурентная борьба иностранных нефтяных компаний за контроль над советской нефтью обострилась. В конце 1922 г. безрезультатно закончились переговоры, которые «Ройял-Датч Шелл» вела с советскими властями. «Стандарт Ойл» попыталась перехватить инициативу и получить контроль над советскими нефтяными промыслами, отправив в начале 1923 г. в Москву своего представителя. Компания выдвинула требования о реституции собственности, национализированной в результате установления советской власти в Закавказье, но Советское правительство нашло их неприемлемыми. Тем не менее закупки советского керосина и бензина со стороны «Стандарт Ойл» продолжались (по некоторым данным, только в период с августа 1924 г. по апрель 1925 г. было приобретено 290 тыс. т нефти и нефтепродуктов). Решительно действовала компания Рокфеллеров, которая предложила советским властям заключить контракт сроком от 3 до 5 лет на приобретение всей советской нефти. Это позволило бы «Стандарт Ойл» занять ведущее положение на мировом нефтяном рынке и серьезно вли-

¹⁹ ЕМА, 2e Bureau. Matériel de guerre (V. étude), Juin 1931 // SHD, DAT. 2N238.

²⁰ Nowell G. P. Mercantile States and the World Oil Cartel, 1900–1939. Ithaca: Cornell University Press, 1994. P. 150–151, 156.

ять на конъюнктуру. Но Москва отказалась от подобного предложения, находя, что оно противоречит советским интересам²¹.

И в дальнейшем западные компании проявляли интерес к советской нефти. Даже скандалы, связанные с торговлей этим высоколиквидным товаром, они старались обернуть себе на пользу. 9 августа 1926 г. британская «Дейли мэйл» сообщила о попытке продать на британском рынке крупную партию нефти из советских месторождений. Оказалось, что она была поставлена предприятиями, которыми до национализации владели британские подданные. В результате деятельность советского внешнеторгового предприятия «Российские нефтяные продукты» (которое являлось подразделением «Аркоса») была прекращена. Но самое интересное заключалось в том, что тотчас же была образована британская «Независимая компания по продаже нефти», которая попыталась выкупить неисполненный контракт²². Следовательно, выгода от приобретения советской нефти перевешивала в представлении британцев многие другие политические, юридические и моральные издержки и неудобства. Вместе с тем заинтересованность британских, да и других иностранных потребителей в советской нефти не стоит и преувеличивать. В 1926 г. Советский Союз занимал лишь 7-е место по объему экспорта нефти и нефтепродуктов в Соединенное Королевство с объемом около 1,4 млн т (данные за первые 9 месяцев года). Это было значительно меньше поставок Соединенных Штатов (16 млн т за весь указанный год)²³.

В отличие от островного государства Франция, благодаря сотрудничеству с Советским государством, целенаправленно стремилась усилить конкуренцию на внутреннем нефтяном рынке, на котором господствовали англо-американские тресты. В 1922–1923 гг. стратегия Л. Пино заключалась в получении прямого доступа к советской нефти со стороны французских финансово-промышленных групп, выступавших в союзе с бельгийцами. В этой связи он возлагал большие надежды на нефтяную компанию «Петрофина», которую в 1920 г. основали бельгийские банкиры, могущественная бельгийская финансово-промышленная группа «Сосьете женераль де Бельжик», а также французский банк «Креди мобилье» (в 1923 г. участником этого консорциума стал банк «Юньон паризьен»). В мае 1923 г., когда возникла робкая надежда на нормализацию отношений с Советским Союзом, Пино попытался укрепить влияние франко-бельгийской группы соглашением с «Англо-персидской нефтяной компанией» (предшественницей «Бритиш Петролеум»), являвшейся прямым британским конкурентом «Ройял-Датч Шелл». Однако этот план не был осуществлен, как считалось, из-за противодействия Детердинга²⁴. В январе 1925 г. «Петрофина» все же заключила крупный контракт с советскими поставщиками, закупив 80 тыс. т бензина и 40 тыс. т смазочных масел. Однако подобные сделки являлись редкостью и были скорее следствием усилий

²¹ См.: *Fischer L.* Op. cit. Ch. 6.

²² *Russian Oil Scheme // The Daily Mail.* 26 August 1926.

²³ *Committee of Imperial Defence. Oil Board. Third Annual Report.* 26 April 1929. Appendix II // TNA. CAB 24/203. C.P. 142 (29). F. 383.

²⁴ *Nowell G. P.* Op. cit. P. 153, 156.

французских властей, чем частной инициативы²⁵. В итоге СССР занимал сравнительно скромное место на нефтяном рынке Франции. В 1930 г. импорт советской нефти покрывал 11% (или 566 тыс. т) ее потребностей²⁶.

§2. Перспективы торговли до и после Гenuи

Политическое и экономическое положение Советского государства в начале 20-х годов было исключительно тяжелым. В ноябре 1920 г. Д. Ллойд Джордж предвидел, что «советы» ждет полная анархия и развал государственности²⁷. В 1922 г. Лига Наций подготовила подробный доклад, вскрывший поистине катастрофическую ситуацию в советской экономике. Голод 1921–1922 гг. был признан «самым разрушительным из тех, что случались в Европе в новое время по количеству как пострадавших от него людей вообще, так и погибших от недоедания и болезней». Согласно приблизительным оценкам, его жертвами стали от 1,25 до 3 млн чел. Отмечалось в докладе колоссальное сокращение посевных площадей (с 82,5 млн десятин в 1916 г. до 49 млн десятин в 1921 г.) и снижение урожаев зерновых культур (с 3955 млн в 1916 г. до 1602 млн пудов в 1921 г.). Выявлялись некоторые политические и экономические причины всех этих потерь и бедствий — недостаток сельскохозяйственных машин и тяглового скота, перераспределение земли и изменение форм земельной собственности, разрыв связей между городом и деревней, насильственные реквизиции сельскохозяйственной продукции.

Авторы доклада подчеркивали, что в совокупности транспортный, промышленный и сельскохозяйственный кризисы поставили Советское государство в столь тяжелое положение, что выйти из него будет непросто: «Даже если государство ослабит нынешнюю монополию и контроль над импортом и экспортом, то оживление внешней торговли само по себе не приведет к восстановлению довоенного уровня экономического развития России... Быстрого восстановления... не ожидается, а пока этого не произойдет, Россия не сможет вернуть себе место одного из главных участников международного рынка зерна»²⁸. В целом доклад страдал приблизительностью: например, были занижены как данные по урожаю зерновых 1921 г.²⁹, так и количество жертв голода 1921–1922 гг. (современные исследователи считают, что их количество превышало 5 млн³⁰).

²⁵ Борисов Ю. В. Советско-французские отношения 1924–1945 гг. М.: Международные отношения, 1964. С. 49.

²⁶ Jeannesson S. La difficile reprise des relations commerciales entre la France et l'URSS (1921–1928) // Histoire, économie et société. 2000. Vol. 19. No. 3. P. 426.

²⁷ Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 334.

²⁸ League of Nations. Report on Economic conditions in Russia: With Special Reference to the Famine of 1921–1922 and the State of Agriculture. Geneva: League of Nations, 1922. P. 1–6.

²⁹ 1602 млн пудов при пересчете на центнеры дает 262 млн центнеров, в то время как, по информации исследователей, урожай в 1921 г. составил 362,6 млн центнеров (Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. С. 284).

³⁰ Климин И. И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). Ч. 1. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. С. 19.

Масштабы бедствия, постигшего Советскую Россию, в немалой степени объясняют скептическое отношение должностных лиц к прогнозам ее участия в общем плане экономического восстановления Европы. 24 июня 1922 г. директор управления торговых отношений МИД Франции Ж. Сэйду заявлял: «Просто абсурдно считать, что Россия в ее нынешнем состоянии может быть выгодным рынком для Европы. До тех пор, пока не будет восстановлено русское сельское хозяйство и не появится стабильная валюта, позволяющая торговать с прибылью, в этой стране нельзя ничего ни продать, ни купить. Все, что мы можем получить [из нее] в настоящий момент, — это кое-какое количество нефти, металлического лома, руды и угля, которые готовы к отгрузке в Баку или на Донбассе»³¹.

Подобные заявления звучали, пока сохранялись сомнения в том, что Советская Россия может самостоятельно выбраться из беды да еще внести свой вклад в оздоровление европейской экономики. Но по мере того, как завершилась Гражданская война и стала приносить плоды новая экономическая политика, объявленная ранее Советским правительством, менялись и общественные настроения в странах Запада. Осенью 1922 г. из поездки в Советскую Россию вернулся известный деятель партии радикалов и радикал-социалистов Э. Эррио, полный позитивных впечатлений. Будучи проездом в Варшаве, он делился ими с многочисленными собеседниками, желавшими получить сведения из первых рук. 16 октября 1922 г. французский посланник в Варшаве Г. де Панафьё сообщил в Париж, что Эррио «не скрывал удивления, что видел на улицах и в театрах Москвы прилично одетых людей, богатые прилавки магазинов, заполненные посетителями рестораны, короче говоря, картины нормальной жизни». Панафьё отмечал, что поляки не скрывают досады из-за того, что интерес Запада к Советской России растет, а Варшаве не удается сыграть роль посредника между Западной Европой и Россией. После Генуэзской конференции, утверждал он, «поляки видят, что англичане, американцы, итальянцы порознь, а то и вместе с немцами двинулись в Россию в надежде получить выгодные лесные или нефтяные концессии; и при этом никто из них не попросил о помощи польских инженеров и не пригласил к сотрудничеству те две или три крупные организации, которые были образованы здесь специально для торговли с Россией и которые ожидают вливаний западного капитала, чтобы приступить к работе»³².

К концу 1924 г. восприятие на Западе перспектив торгового взаимодействия с Советским Союзом, похоже, поменялось на умеренный оптимизм. Это отразилось и в отчете, с которым выступили по результатам своей поездки в СССР ряд британских профсоюзных деятелей: «Согласно информации, которую мы получили от членов нашей делегации, посетивших Россию в 1920 г., условия жизни людей... резко изменились к лучшему по сравнению с прежним временем». Если раньше на железнодорожных станциях иностранные путешественники видели толпы нищих и голодных людей, то теперь их встречали на вид вполне благополучные люди: «Этот контраст был первым сигналом быстрого улучшения социальных условий, которое мы наблюдали в России и зафиксировали в данном докладе»³³.

³¹ Цит. по: *Jeannesson S.* Op. cit. P. 415.

³² DDF. 1922. T. II. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2008. P. 409–410.

³³ Russia. The Official Report of the British Trades Union Delegation. P. XIII.

В целом лейбористские и профсоюзные круги в Великобритании, равно как и радикал-социалисты во Франции, позитивно относились к развитию торговых и прочих отношений с Советским Союзом. В сентябре 1924 г. заместитель министра иностранных дел А. Понсонби, комментируя незадолго до того подписанные лейбористским правительством советско-британские соглашения, критически отозвался о деятельности западных представителей на Генуэзской конференции: «Предъявлять завышенные требования обедневшему государству — это значит заведомо вести дело к провалу, которым и завершились в 1922 г. переговоры в Генуе. Сначала Россия должна встать на ноги и восстановить свою экономику, чтобы иметь возможность ответить на предъявленные ей претензии»³⁴.

§3. В очередь, господа, в очередь!

По мере относительной стабилизации положения в Советском Союзе можно было наблюдать, что отдельные зарубежные страны явно заторопились установить с ним торговые отношения, чтобы не отстать от конкурентов. По мнению исследователя, «в 1924 г. ведущие европейские державы и даже некоторые небольшие государства, опасаясь, что Германия займет доминирующее положение во внешней торговле СССР, последовали ее примеру и пошли на официальное дипломатическое признание Советского Союза»³⁵. В феврале 1925 г. секретарь британского Конгресса тред-юнионов Ф. Брэмли, утверждая, что «Россия продемонстрировала всему миру силу своей социальной организации и масштаб экономического восстановления», призвал парламентские круги приложить усилия к расширению британско-советской торговли, чтобы не оказаться в хвосте у конкурентов. Руководствуясь представлением о том, что торговля с Советским Союзом выгодна не только для хозяев предприятий, но и для простых тружеников, он заявил: «Если Великобритания своевременно не позаботится о защите своих торговых интересов в России и будет ждать, пока Германия, Франция, Швеция, Америка и другие страны не приберут к рукам российский рынок, то пострадаем мы все, но в особенности пострадают безработные мужчины и женщины, трудящиеся Великобритании»³⁶. Британские профсоюзы опасались даже, что Германия может использовать средства, полученные от британских кредитных учреждений, для расширения торговли с Советским Союзом в ущерб интересам Великобритании. В марте 1926 г. председатель «Мидленд банка» Р. Маккенна, в прошлом видный государственный деятель (его ценили в Москве³⁷), счел долгом пояснить,

³⁴ *Ponsonby A. Preface // The Anglo-Soviet Treaties (Can Labour Rule? — No. 6). L.: Labour Joint Publications Department, 1924. P. 1.*

³⁵ *Moss W. G. A History of Russia. Vol. II. 2nd ed. L.: Anthem Press, 2005. P. 280.*

³⁶ *Bramley F. Preface // Anglo-Russian Trade. How It Could Be Immediately Increased by the Overseas Trade Acts and Trade Facilities Acts. L., 1925. P. 3–4.*

³⁷ 21 августа 1924 г. Политбюро распорядилось не возражать против его приезда в СССР, однако сведений о последующем визите найти не удалось. См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 49.

что объем подобного кредитования, которым могут воспользоваться немецкие деловые круги, «очень ограничен»³⁸.

Во Франции политики и раньше проявляли озабоченность деятельностью конкурентов на советском рынке. 15 июля 1921 г. к развитию торговли с Советским государством призвал Р. Пуанкаре, авторитетнейший государственный деятель, в прошлом президент республики, который в Москве, между прочим, пользовался устойчивой репутацией империалиста и врага страны Советов. «Должны ли мы вечно стоять на обочине дороги, сокрушаясь о своей участи?» — вопрошал он на страницах влиятельного журнала «Ревю де дё монд»³⁹. Но не так-то просто было во Франции развернуть махину государственной политики. Очевидным стимулом для Парижа в развитии экономических контактов с Москвой послужила немецкая активность в СССР. В 1923 г., в условиях Рурского кризиса, на Кэ д'Орсе вспомнили о важности для Франции, по выражению дипломата Э. Перети делла Рокка, «союза с русским народом».

23 января 1923 г. управление торговых отношений МИД Франции обратило внимание на поездку в Советский Союз некоего немецкого дельца и в особенности на то, что он из этой поездки вынес положительные впечатления. Но этом основании работники министерства пришли к заключению, что необходимо принять меры к развитию француско-советских отношений для создания противовеса немецкому влиянию. Их предложения были отправлены на рассмотрение как председателя совета министров Р. Пуанкаре, так и президента республики А. Мильберана. В середине февраля 1923 г. военное министерство Франции, отвечая на запрос французских фирм-производителей авиатехники о возможности продажи их продукции в СССР, не только дало им на это свое согласие, но даже поддержало стремление французских авиастроителей усилить свое присутствие на советском рынке, на котором большое место заняли поставщики из Германии⁴⁰.

Начиная с 1923 г. делегации деловых кругов Франции стали чаще посещать Советский Союз. Очевидно, дорогу им в определенном смысле слова проложил упомянутый выше визит Эррио. 19 мая 1923 г. французский представитель в Ковно Г. Падовани сообщил об одной из подобных делегаций во главе с неким Дюверже, следовавшей транзитом через Литву. По его данным, делегаты интересовались главным образом нефтяными промыслами в районе Грозного и Баку, поскольку рассчитывали получить права эксклюзивных дистрибьютеров добываемой там нефти⁴¹.

Французские власти не хотели допустить чрезмерного, с их точки зрения, укрепления торгово-экономических позиций в СССР не только Германии, но и бывших союзников — Великобритании и Италии. 2 октября 1922 г. на заседании межведомственной комиссии по изучению вопроса о восстановлении экономических

³⁸ Interview with R. McKenna, 9 March 1926 // Warwick Digital Collections (далее — WDC). TUC 292/520.3/2/26. URL: <https://wdc.contentdm.oclc.org/digital/collection/russian/id/3106/rec/1> (дата обращения: 30.05.2018).

³⁹ Цит. по: *Hogenhuis-Seliverstoff A.* Op. cit. P. 201.

⁴⁰ DDF. 1923. P. 114, 260–261.

⁴¹ G. Padovani à R. Poincaré, le 19 Mai 1923 // Ministère des Affaires étrangères (далее — МАЭ). Série: Europe 1918–1940. Vol. 352. F. 16.

отношений с Россией глава управления торговых договоров министерства торговли Франции Д. Серрюйс, отмечая большой интерес иностранных инвесторов к советским концессиям, призвал и французских предпринимателей не сидеть сложа руки: «Систематическое отсутствие французских промышленников [в России] может привести в определенных случаях к передаче прав [на собственность], которой они обладали в прошлом, в руки иностранных промышленников»⁴². 7 февраля 1923 г. французский дипломат Ф. Шевийи, служивший во время Первой мировой в составе военной миссии в России, призвал вести торговлю нефтепродуктами с Советским Союзом напрямую, а не через британских посредников: «Переговоры [непосредственно] с представителями компании “Аркос” [во Франции] во главе со Скобелевым нам исключительно выгодны»⁴³.

Одним из главных источников французо-британских противоречий оставалась советская нефть. В дипломатических и политических кругах с этим обстоятельством связывали даже провал Генуэзской конференции. В частности, отдельные британские парламентарии на заседании палаты общин 9 мая 1922 г. намекали на некое соглашение «Ройял-Датч Шелл» с Советским правительством, которое якобы ущемляло интересы французских и бельгийских предпринимателей. Министр финансов Великобритании О. Чемберлен своевременно опроверг подобные предположения⁴⁴. 10 сентября 1923 г. перед французской военной разведкой даже ставилась задача найти некий британский след в запутанных коллизиях по вопросу о советских нефтяных концессиях⁴⁵. Тем не менее в 1927 г. А. Маржен, известный французский эксперт, утверждал, что «русский нефтяной вопрос еще до начала переговоров был ключевым пунктом [Генуэзской] конференции. Однако нигде в записях бесед или в дипломатических нотах нефть не упоминается»⁴⁶.

Французская военная разведка подозревала даже итальянцев в стремлении обойти конкурентов на Кавказе. 18 февраля 1920 г., еще до советизации Азербайджана, в Париж поступала информация об отправке итальянской торговой миссии в Баку. Перед этой миссией якобы стояли задачи обеспечить участие Италии в добыче нефти в Азербайджане, освоении месторождений марганца и меди в Грузии, в работах по созданию соответствующей транспортной инфраструктуры и даже в развитии судоходства на Волге. 14 июля 1920 г., уже после создания Азербайджанской ССР, французская военная разведслужба получила, по всей видимости, от британских коллег сообщение о том, что «итальянцы и бакинские большевики вступили в тесные отношения... Считается, что Италия предпринимает все возможные действия для получения монополии на транспортировку нефти из Баку в Батуми»⁴⁷.

⁴² DDF. 1922. Т. II. P. 356–357.

⁴³ DDF. 1923. Т. I. P. 193, 356–357.

⁴⁴ House of Commons Debates. 9 May 1922 // Hansard. Parliamentary Debates. Ser. 5. Vol. 153. Col. 1995–1996. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1922/may/09/oil-concessions-russia> (дата обращения: 19.09.2018).

⁴⁵ Questionnaire remise à Bertrand, le 10 Septembre 1923 // SHD, DAT. 7N3120.

⁴⁶ Цит. по: *Nowell G. P.* Op. cit. P. 155.

⁴⁷ Notes sur l'expansion en Orient (Rome), le 18 février 1920 et le 31 mars 1920 // SHD, DAT. 7N3119; G.Q.G. (Constantinople) à W.O., le 14 Juillet 1920 // SHD, DAT. 7N3119.

Независимо от степени достоверности подобных сведений примечателен тот факт, что они привлекли внимание «компетентных органов». Но, по всей видимости, Рим действительно предпринимал активные попытки проникнуть на советский рынок, не особенно считаясь с интересами своих вчерашних союзников по Антанте. По вполне достоверным данным, 5 и 7 августа 1920 г., в разгар советско-польской войны, итальянские представители намекали советской делегации в Лондоне, что «если даже будет установлена блокада России, то Италия в таковой участвовать не будет», что «Италия на [англо-французское] совещание в Лимпне⁴⁸ не поедет, что она сумеет договориться с нами отдельно»⁴⁹. Открытие советского торгового представительства в Италии в феврале 1921 г. свидетельствовало о стремлении Рима встать в авангарде западных держав, стремившихся к развитию полноценных отношений с Советским государством. В известной мере ему это удалось, поскольку Италия первой из союзных держав заявила о намерении установить дипломатические отношения с Советским Союзом, в осуществлении которого лишь немного отстала от Великобритании (советско-итальянские дипотношения были установлены 8 февраля 1924 г.).

§4. Средство сближения и инструмент давления

Безусловно, надежды, связанные с развитием торгово-экономического сотрудничества с Советским государством, не обязательно вели к обострению противоречий между зарубежными государствами, конкурировавшими за советский рынок. Эти надежды также побуждали их выработать некие общие правила «ведения бизнеса» с советскими партнерами. В этой связи их особенно волновали вопросы признания Советским правительством довоенных и военных долгов царского и Временного правительств, а также права иностранных граждан на компенсацию национализированной собственности.

Консолидировать позицию всех зарубежных партнеров Советского государства активно стремилась французская дипломатия — во время подготовки Генуэзской конференции, в ее ходе и после нее, в частности на Гаагской конференции, которая состоялась с 15 июня по 19 июля 1922 г. с участием представителей РСФСР и на которой главным образом обсуждались финансовые претензии к советской стороне. В полной мере достигнуть поставленной цели не удалось, поскольку еще по Рапальскому договору 16 апреля 1922 г. Германия отказалась от претензий к Советскому государству и на Гаагской конференции представлена не была. Западные державы приняли в Гааге декларацию о том, что не будут признавать концессии, нарушающие права прежних собственников. Однако сами французы были не в восторге от такого результата. 2 октября 1922 г. Серрюйс признал, что эта декларация носила «временный характер» и не следует «преувеличивать ее практическое значение»⁵⁰.

⁴⁸ Встреча высокопоставленных делегаций Великобритании (во главе с Ллойд Джорджем) и Франции (во главе с Мильераном) в поместье Лимпне (близ г. Хит на юге Англии), состоявшаяся 8–9 августа 1920 г. и посвященная, прежде всего, вопросу об оказании помощи Польше.

⁴⁹ СПО. Т. 1. С. 192, 194.

⁵⁰ DDF. 1922. Т. II. P. 357.

Соперничество иностранных государств, не сумевших выработать общие правила конкуренции на советском рынке и выступить единым фронтом, объективно расширяло возможности Москвы для маневра в отношениях с ними как по политическим, так и торгово-экономическим вопросам. 23 ноября 1920 г. на советско-польских переговорах в Риге советский дипломат Л. Л. Оболенский попытался заинтересовать польских представителей перспективами торговли с Советской Россией, предупреждая их о том, что от «желающих» нет отбоя. Он сообщил своим собеседникам, что Москва находится «накануне возобновления торговых сношений с такими крупными государствами, как Англия, Америка» (что было известным преувеличением). Дипломат в особенности давал им понять, что советские «Россия и Украина заинтересованы, конечно, и в открытии таких сношений с Польской Республикой»⁵¹.

Опыт как двусторонних переговоров с Великобританией летом 1920 г., так и в еще большей мере участия в Генуэзской конференции убедил советских дипломатов в том, что они могут играть на противоречиях не только между победителями и побежденными в мировой войне, но и среди победителей, т.е. держав Антанты. 23 апреля 1922 г., неделю спустя после заключения Рапалльского договора, Г. В. Чичерин в одном из писем в Москву отмечал, что «наш договор с Германией обострил отношения между Англией и Италией, с одной стороны, и Францией — с другой. Франция за последние дни держится более вызывающей тактики и хватается за мелочи... чтобы устраивать скандалы. Ллойд Джордж заявил, что если так будет продолжаться, он уедет и обратится ко всем народам Европы с декларацией, что восстановлению Европы мешает Франция»⁵². В итоге британскому правительству удалось продемонстрировать Франции, что единоличное лидерство в европейских делах ей не по плечу. В записке Г. В. Чичерину 8 февраля 1924 г. Х. Г. Раковский, отмечая финансовые затруднения Франции в результате Рурской операции, дал понять, кто, собственно, выступает запевалой в хоре западных держав: «Признание Франции... придет в результате признания нас со стороны Англии. Мы приобретаем вследствие признания [Англией] громадное политическое значение. Франция не сможет примириться со своей изолированностью»⁵³.

В отношениях с Советским государством правительства Великобритании и Франции старались отделить экономику от политики. В 1923 г. председатель совета министров Р. Пуанкаре неоднократно заявлял, что отсутствие официальных отношений с Советским Союзом не должно мешать частным предпринимателям торговать с ним на свой страх и риск⁵⁴. Но на практике отсутствие нормальных межгосударственных отношений негативно отражалось и на экономическом сотрудничестве. В июле 1922 г. представители французских деловых кругов, заинтересованные в торговле с Советским государством, предупредили свое министерство иностранных дел, что «скорого возвращения французов в Россию» можно

⁵¹ СПО. Т. 1. С. 277.

⁵² Г. В. Чичерин — К. Б. Радеку. 23 апреля 1922 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 326. Оп. 2. Д. 1. Л. 97.

⁵³ Х. Г. Раковский — Г. В. Чичерину. 8 февраля 1924 г. // Там же. Ф. 159. Оп. 2. Д. 45. Л. 143.

⁵⁴ См.: DDF. 1923. Т. 1. P. 50–51, 313–314.

ждать только при выполнении следующих условий: «1) отправки в Москву французской дипломатической или торговой миссии; 2) получения от Советов гарантии, что временные контракты (например, по концессиям. — *Авт.*) не послужат поводом для узурпации права собственности в будущем»⁵⁵.

К тому же мнению склонялись и влиятельные политики в Великобритании. 6 декабря 1922 г. парламентарий-лейборист и известный журналист Э. Морел так прокомментировал в письме дипломату Р. Макнилу дискуссию о советско-британских отношениях, разгоревшуюся между ними ранее в палате общин. «Сам факт отсутствия, — писал он, — нормальных дипломатических отношений между Британией и Россией очевидным образом ограничивает развитие торговли. Продавцы не хотят рисковать своими товарами, владельцы судов неохотно отправляют свои корабли в русские порты, устанавливаются ненормально высокие ставки по страхованию [грузов], банкиры не хотят давать авансов, затруднено осуществление кредитных операций и иных транзакций, отсутствуют посольство или консульства для защиты британских интересов. В результате весь механизм торгового взаимодействия находится в полупарализованном состоянии»⁵⁶.

Если Москва посредством взаимовыгодной торговли хотела наладить политические отношения с Западом, то правящие круги западных стран в зависимости от обстоятельств могли использовать торговлю также и как инструмент политического давления на Советское правительство, ставя заключение необходимых ему контрактов в зависимость от тех или иных уступок, в частности по вопросу о довоенных и военных долгах. В начале 20-х годов сравнительно мягкую позицию по отношению к Советскому государству занимало правительство Ллойд Джорджа. Исследователи считают, что советско-британское торговое соглашение 16 марта 1921 г. явилось «настоящим достижением» его внешней политики, причем не только «в торговом смысле... но и в политическом... Торговое соглашение было одним из шагов в сторону полного признания большевистского правительства»⁵⁷. Напротив, сравнительно жесткой позиции придерживались власти Франции. Даже французские дипломаты упрекали министерство финансов в том, что к вопросу об урегулировании долгового спора с Советским государством оно подходило не с политической, а с бухгалтерской точки зрения. В середине ноября 1925 г. генеральный секретарь Кэ д'Орсэ Ф. Бертелло в беседах с советским торговым представителем во Франции Х. Г. Раковским говорил о том, что если совет министров встанет на точку зрения минфина, то для министерства иностранных дел это будет «колоссальной неудачей... мы, прежде всего, имеем дело с политическим вопросом»⁵⁸.

Но в любом случае как советские руководители, так и правящие круги западных держав относились к взаимной торговле как средству смягчения военно-по-

⁵⁵ DDF. 1922. Т. II. P. 78.

⁵⁶ E. Morel to R. McNeill. 6 December 1922 // WDC. TUC 292/947/1/82. URL: <https://wdc.contentdm.oclc.org/digital/collection/russian/id/1072> (дата обращения: 30.05.2018).

⁵⁷ Bennett G. H. *British Foreign Policy during the Curzon Period, 1919–24*. L.: St. Martin's Press, 1995. P. 74.

⁵⁸ Цит. по: Carley M. J. *Episodes from the Early Cold War: Franco-Soviet Relations, 1917–1927* // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. No. 7. P. 1290.

литической напряженности. В мае 1922 г. представители военных разведок Франции и Великобритании, учитывая заинтересованность Москвы в налаживании торговых отношений с Западом, считали советское нападение на лимитрофов маловероятным⁵⁹. 11 июля 1925 г. французский посол Ж. Эрбетт сообщал из Москвы, что Советское правительство вряд ли желает войны, «начало которой подвергнет крайне суровому испытанию его политическую, военную, финансовую и промышленную систему». Согласно послу двумя наиболее насущными заботами советских властей было «обеспечить товарами (тканями, обувью) крестьян и работой — безработных в городе. Они нуждаются в расширении импорта и восстановлении промышленности, сохранив при этом стабильной свою валюту. Их ключевые потребности — финансового порядка»⁶⁰.

Вместе с тем неприятие советского режима на Западе по политико-идеологическим причинам никуда не делось. Даже робкие попытки Кэ д'Орсэ улучшить отношения с Москвой в разгар Рурского кризиса немедленно пресекались президентом республики А. Мильераном. 25 апреля 1923 г. он писал одному из французских дипломатов: «Правда заключается в том, что с анархией нельзя иметь никаких дел; но именно анархия восторжествовала в покинутой Богом России». В августе того же года Мильеран, ознакомившись с планами одного из французских предпринимателей, выступавшего за расширение торговли с Советским Союзом, заявил, что они «построены на песке»⁶¹.

Реальное значение торговли с Советским государством для западных стран не стоит преувеличивать. В 1920 г. «внешнеторговый оборот РСФСР составлял лишь 1 процент от довоенного... но и это было в десять раз больше, чем в 1919 г.»⁶². Первое место среди внешнеторговых партнеров Советского государства занимала Швеция, за которой следовали Германия и Великобритания. Уже в 1921 г. ключевыми партнерами стали Великобритания, Германия и США, сохранившие лидирующие позиции и в дальнейшем⁶³. В 1925/26 г. Великобритания занимала первое место по объему торговых операций в советской внешней торговле с ведущими странами Запада: на нее приходилось 18,6% советского импорта и 31,8% экспорта (это было особенно важно ввиду дефицита валюты). По обоим показателям Великобритания опережала США (17,8 и 14,3% соответственно). Германия играла меньшую роль в качестве потребителя советской продукции (18,8% по экспорту), однако большую — как поставщик (25,6%)⁶⁴.

Совокупный торговый оборот с Великобританией за 1920–1924 гг. (около 76,8 млн ф. ст.) был относительно небольшим. Как советские продажи, так и за-

⁵⁹ A. La Panouse à A. Maginot, le 31 Mai 1922 // SHD, DAT. 7 N 2794.

⁶⁰ J. Herbette à Paris, le 11 juillet 1925 // МАЭ. Série Z. Vol. 358. Carton 619. Dossier 20. Fol. 139.

⁶¹ Цит. по: Carley M. J. Prelude to Defeat: Franco-Soviet Relations, 1919–1939 // The French Defeat of 1940: Reassessments / Ed. by J. Blatt. New ed. NY.: Berghahn, 2006. P. 176.

⁶² Seppain H. Contrasting US and German Attitudes to Soviet Trade, 1917–1991: Politics by Economic Means. NY.: St. Martin's Press, 1992. P. 45.

⁶³ Мореева С. Н. Анализ внешнеторговой деятельности России с начала Первой мировой войны до снятия экономической блокады // Genesis: исторические исследования. 2017. № 5. С. 61–72.

⁶⁴ Gorodetsky G. The Precarious Truce: Anglo-Soviet Relations 1924–1927. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 255.

купки, достигшие в 1924 г. самых высоких показателей в рассматриваемый период (19,4 и 14,8 млн ф. ст. соответственно), составили каждый около 1,5% от британского импорта и экспорта⁶⁵. Для сравнения укажем, что доля Германии в британском экспорте, пусть и снизилась по сравнению с довоенным периодом (8,1% в 1913 г.), продолжала оставаться значительно более высокой (6,8% в 1927 г.), чем доля СССР⁶⁶. Объем советско-британской торговли серьезно отставал и от довоенных показателей: годовой оборот к сентябрю 1922 г. (22 млн ф. ст.) «не достиг и половины суммы товарооборота 1913 г. (56 млн ф. ст.)»⁶⁷.

Подобным образом складывались торговые отношения СССР с Германией и США. Для Германии советское направление внешней торговли было отнюдь не главным, а объем товарооборота серьезно уступал довоенным показателям. Если в 1913 г. доля Российской империи в германском экспорте составляла 9,7% (по другим данным, 8,7%), а в импорте — 13,6%, то соответствующие показатели в 1924 г. были намного более скромными — около 1,4% (89 и 126 млн марок соответственно). К середине 1920-х годов доля Германии в советской внешней торговле несколько снизилась по сравнению с 1922/23 г., когда на нее приходилось около 32% советского экспорта и более 41% импорта (соответствующие цифры по Великобритании — 22 и 25,2%). В 1928 г. Советский Союз оставался лишь на 12-м месте по импорту немецких товаров (3,34% от общего объема германского экспорта)⁶⁸. 11 декабря 1929 г. немецкий посол Г. Дирксен сетовал в разговоре с наркомом внешней и внутренней торговли А. И. Микояном на то, что «советские заказы распределяются в отдельных случаях по политическим, а не по хозяйственным соображениям. Таким образом, несмотря на выгоду закупок в Германии, заказы передаются Англии, Америке и другим странам»⁶⁹. Да и сами немецкие деловые круги не проявляли особого интереса к ведению дел с Советским Союзом⁷⁰. 21 февраля 1929 г. Форин-офис скептически оценил перспективы советско-германского сотрудничества: «Сложно сомневаться в том, что торговые и финансовые круги в Германии начинают сожалеть о заразительном оптимизме графа Брокдорф-Ранцау, бывшего посла Германии в Москве, и все больше разочаровываются в перспективах использования (*exploiting*) России»⁷¹.

Не отвечало ожиданиям советского руководства и торгово-экономическое сотрудничество с Соединенными Штатами. 8 марта 1921 г., незадолго до подписания

⁶⁵ Рассчитано на основе: *Mitchell B. R.* *British Historical Statistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 453.

⁶⁶ *Goldberg M. D.* *Anglo-American Economic Competition, 1920–1930 // Economy and History*. 1973. Vol. 16. No. 1. P. 23.

⁶⁷ *Сергеев Е. Ю.* Ультиматум Керзона Советской России 1923 г.: новая интерпретация // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 11(154). С. 103.

⁶⁸ *Niemann H.-W.* *Russian Business in the Brüning Era // German Yearbook on Business History 1987 / Ed. by H. Pohl, B. Rudolph*. Berlin: Springer, 1988. P. 77; Seppain H. *Op. cit.* P. 32.

⁶⁹ ДВП СССР. Т. 12. С. 646.

⁷⁰ См.: *Morgan R. P.* *The Political Significance of the German-Soviet Trade Negotiations, 1922–5 // The Historical Journal*. 1963. Vol. 6. No. 2. P. 253–271.

⁷¹ Memorandum. *The Situation in Russia*, by G. Villiers. 21 February 1929 // TNA. CAB 24/202. C.P. 79 (29). F. 360.

торгового договора с Великобританией, председатель Совнаркома В. И. Ленин подчеркивал в политическом отчете на X съезде РКП(б): «...мы в Центральном Комитете этому вопросу уделяли громадное место и считали правильным с нашей стороны тактику уступок, дабы добиться торгового соглашения с Англией. Не столько потому, что от Англии мы могли бы получить больше, чем от других стран, — Англия в этом отношении не столь передовая страна, как, например, Германия и Америка. ...нам важен торговый договор с Англией благодаря открывающейся возможности договора с Америкой, которая обладает производственными возможностями в гораздо большей степени»⁷². Манящие перспективы использования американской техники в целях ускоренной модернизации советской промышленности надолго завоюют умы советских руководителей⁷³.

Торговля между СССР и США в 1920–1924 гг. развивалась нестабильно. С 1921 по 1922 г. товарооборот вырос более чем в 2 раза (с 18,3 млн до 40,3 млн долл.), в 1923 г. серьезно сократился и вновь пошел в рост в 1924/25 г. (американские товары составили около 28% от всего советского импорта). К концу 1920-х годов советско-американские коммерческие связи стали развиваться более динамично. Но СССР закупал в США значительно больше товаров, чем сам продавал на американском рынке (63,6 против 12,9 млн долл. в 1927 г. и 72,5 против 14 млн в 1928 г.)⁷⁴. В любом случае роль СССР в общем внешнеторговом обороте Соединенных Штатов в первой половине 1920-х годов была скромной, составляя в 1922 г. лишь около 0,6%⁷⁵.

Роль Франции в советской внешней торговле была еще меньше. В 1922/23 г. на Францию приходилось лишь 0,4% советского экспорта и того менее (0,1%) — импорта. Через год ситуация несколько улучшилась, но показатели все равно оставались скромными — 3,1 и 1% соответственно. Даже установление дипломатических отношений в 1924 г. не могло переломить инерцию: в 1925 г. товарооборот составил всего лишь 31,2 млн руб., хотя экспорт (22,1 млн руб.) заметно превышал импорт⁷⁶. Это не может не удивлять, учитывая, что НКВД придавал французскому направлению советской внешней политики большое значение, за что Г. В. Чичерина нередко критиковали партийные товарищи⁷⁷. Может быть, дело в том, что определенная диспропорция между военно-политическим и экономическим сотрудничеством была характерна для российско-французских отношений и раньше. В 1913 г. доля Франции во внешней торговле России составляла 5,7%, а доля России соответственно во французской была и того меньше (3,6%).

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 20–21.

⁷³ См.: Шпотов Б. М. Американский фактор в индустриальном развитии СССР, 1920–1930-е гг. М.: ИЭ РАН, 2009.

⁷⁴ Williams A. J. Trading with the Bolsheviks: The Politics of East-West Trade, 1920–1939. Manchester: Manchester University Press, 1992. P. 46.

⁷⁵ Подсчитано на основе: Russian Trade with the United States // Editorial Research Reports. Vol. 1. Washington: CQ Press, 1924. URL: <http://library.cqpress.com/cqresearcher/cqresrre1924021400> (дата обращения: 25.05.2018); Collings H. T. The Foreign Trade of the United States from 1914 to 1924 // Weltwirtschaftliches Archiv. 1926. Bd. 23. S. 71.

⁷⁶ Цифры приводятся по: Slovēs Ch.-H. La France et l'Union soviétique. P.: Rieder, 1935.

⁷⁷ См.: Л. Д. Троцкий — К. Б. Радеку. 28 января 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 21. Л. 16–17.

Финансовое ослабление Франции в результате мировой войны было одной из причин, сдерживавших развитие товарооборота. Поскольку Советское государство торговало с внешним миром в основном в кредит, нежелание французов кредитовать советскую торговлю действовало на нее угнетающе. К тому же приоритетом Франции было восстановление собственных разрушенных департаментов⁷⁸.

§5. Советская альтернатива европейским проектам

Как мы видим, в начале 20-х годов на Западе мало кто сомневался в необходимости восстановления советской экономики и развития торговли с Советским государством. Это считалось не просто желательной, но необходимой предпосылкой хозяйственной реконструкции не только Европы, но отчасти и всего мира. Не было только ясности в вопросе об условиях участия Советского государства в осуществлении этого грандиозного замысла.

На фоне общих разговоров о взаимовыгодном характере коммерческого взаимодействия Советского государства и западных стран недостаточно внимания уделялось ряду конкретных вопросов: согласится ли советская сторона на роль поставщика сырья при доминировании Запада в техническом и финансовом отношении? допустимо ли для Запада, чтобы поставки иностранного оборудования послужили предпосылкой индустриализации советской экономики и усиления международных позиций СССР? готовы ли западные страны к равноправному партнерству с Москвой либо по-прежнему рассчитывают на полную капитуляцию или хотя бы глубокое внутреннее перерождение советского строя? Со всей остротой эти вопросы встали в связи с проектом создания международной корпорации (консорциума) по экономическому восстановлению Европы и с выполнением советской концессионной программы.

По данным французских дипломатических источников, идея создания международного консорциума с участием ряда стран, включая Францию и Германию, обсуждалась еще на завершающем этапе войны. В конце 1921 г. ее подхватили Л. Лушёр, министр освобожденных регионов в правительстве Франции, и британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж. Причем британский проект отводил более значительную роль, чем французский, участию в консорциуме Германии, а также предусматривал в более или менее отдаленной перспективе присоединение к нему и России.

Еще более конкретные черты этот замысел приобрел в результате дискуссии на конференции Верховного совета Антанты, состоявшейся в январе 1922 г. в Каннах⁷⁹. Резолюция, принятая на конференции 10 января, признавала необходимость создания «международной корпорации с аффилированными национальными корпорациями с целью экономического восстановления Евро-

⁷⁸ DDF. 1922. Т. II. P. 21–22; Jeannesson S. Op. cit. P. 421.

⁷⁹ Hogenhuis-Seliverstoff A. Op. cit. P. 196.

пы и сотрудничества всех государств для восстановления условий нормального процветания». В интересах дальнейшего изучения этого проекта был образован комитет, в состав которого вошли по 2 представителя от Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и 1 представитель от Японии. Был даже определен размер его финансирования — 10 тыс. ф. ст. В других документах конференции уточнялось, что стартовый капитал так называемой Центральной международной корпорации составит 20 млн ф. ст., и определялись ее основные функции — от распределения заказов до их финансирования и обеспечения гарантий выполнения.

Материалы Каннской конференции свидетельствовали, что местом основного приложения сил корпорации предполагалось сделать Центральную и Восточную Европу, естественным продолжением которой рассматривались и советские республики. Восстановление экономики этого гигантского региона считалось «необходимым для благополучия европейской индустрии», остро нуждавшейся в рынках сбыта готовой продукции. Причем к решению этой задачи требовалось приступить немедленно: «Если эти рынки не будут восстановлены, население стран Восточной и Юго-Восточной Европы сократится на миллионы, а их реконструкция станет еще более затруднительной». В случае неудачи мало не покажется никому: «Условия, способствующие нищете и голоду на востоке, обрекают промышленное население Западной Европы на долгий период безработицы, во время которого они будут конкурировать друг с другом за рынки, способные принять лишь часть продукции, которую Западная Европа стремится произвести»⁸⁰.

Основным инициатором подобной программы восстановления Центральной и Восточной Европы была Великобритания. Но определенный интерес к участию в ней проявляла и Франция. В феврале 1922 г. по распоряжению Р. Пуанкаре по этому вопросу состоялось несколько межведомственных совещаний, к участию в которых были привлечены представители крупнейших промышленных и финансовых объединений и компаний, включая «Комите де Форж» («Комитет металлургической промышленности») и «Комите де Уийер» («Комитет угольной промышленности»), «Шнейдер» и банк «Юньон Паризьен». Большой интерес участников совещаний вызвали предложения о продаже Советскому государству паровозных котлов, о восстановлении международной кейтеринговой компании, в которой до мировой войны значительным весом обладал французский капитал («Компани энтернасьональ де вагон-ли»), а также о передаче в концессию бакинских нефтяных промыслов и донецких угольных шахт⁸¹.

Однако провал Генуэзской конференции заставил отложить реализацию идеи международного консорциума. 7 июля 1922 г. председатель совета министров Пуанкаре писал главе французской делегации на Гаагской конференции Ш. Альфану о том, что Франция, равно как и другие страны, выражавшие желание участвовать в этом проекте, еще не приняла по нему окончательного решения. Вместе с тем он отмечал и недостаток у Франции финансовых средств,

⁸⁰ Summary of Conclusions Reached at Cannes, January 1922 // TNA. CAB 24/132. C.P. 3657. F. 268–271.

⁸¹ Hogenhuis-Seliverstoff A. Op. cit. P. 204–205.

которые могли бы пойти на восстановление экономики советских республик. Чувствовалось, что Пуанкаре не верил в успех переговоров с советскими представителями, которые продолжались в это время в Гааге в рамках международной конференции⁸².

Как уже отмечалось выше, переговоры в Гааге не привели к подписанию конкретных соглашений. Это поставило крест на проекте создания международного консорциума, призванного содействовать экономическому восстановлению Европы. Тем не менее этот проект заслуживает внимания: в нем отразилось не только стремление стран Запада к формированию общей, консолидированной позиции относительно условий торгово-экономических отношений с Советским государством, но и взгляд на него как на свою колониальную периферию. Для стран Запада речь шла о том, чтобы, опираясь на свое технологическое и финансовое превосходство, навязать Советскому государству условия торгово-экономического сотрудничества, выгодные в первую очередь им самим. Можно отметить сходство условий указанного проекта с теми, на которых в мае 1920 г. был воссоздан международный консорциум кредиторов Китая, по условиям которого «США, Британия, Франция и Япония договорились не конкурировать друг с другом в финансовых проектах в Китае. Китай, со своей стороны, должен был брать займы только у стран-участниц консорциума»⁸³.

Дискуссия по вопросу о советских концессиях показала, что страны Запада не собирались воспринимать Москву как равноправного торгово-экономического партнера. Эти дискуссии велись на фоне новой экономической политики, объявленной Советским правительством в марте 1921 г., с которой на Западе связывали надежды если не на полное крушение советского режима, то во всяком случае на его глубокое перерождение на почве возвращения к ценностям рыночной, капиталистической экономики. Такие надежды питали не только в западных столицах, но и в Берлине⁸⁴. По сравнению с другими формами торгово-экономического сотрудничества, нередко упиравшимися в практические трудности отношений с Советским государством, концессии обладали рядом преимуществ. Для иностранных компаний они служили лазейкой, позволявшей внедриться в советскую экономику и воспользоваться ее возможностями в своих интересах. Они позволяли снять остроту противоречий с большевиками по вопросу о национализированной собственности, поскольку прежние владельцы могли получить право распоряжаться ею в форме концессии. Наконец, количество когда-нибудь должно было перейти в качество, и в русле новой экономической политики большевики вслед за предоставлением зарубежным капиталистам концессий могли бы принести в жертву еще одну священную корову коммунизма — государственную монополию внешней торговли.

В 1921–1922 гг. советский полномочный и торговый представитель в Великобритании Л. Б. Красин активно включился в переговоры о концессиях

⁸² DDF. 1922. Т. II. P. 22.

⁸³ Туз А. Указ. соч. С. 507.

⁸⁴ Carley M. J., Debo R. K. Always in Need of Credit: The USSR and Franco-German Economic Cooperation, 1926–1929 // French Historical Studies. 1997. Vol. 20. No. 3. P. 319.

с иностранными инвесторами. В итоге большинство последних были обмануты в своих ожиданиях. Большую огласку получила история Л. Уркарта, который добивался предоставления ему в концессию ряда металлургических заводов на Урале и угольных шахт в Казахстане, ранее ему принадлежавших. Вопреки позиции Красина, партийное руководство во главе с Лениным сочло условия, выдвинутые Уркартом (широкие возможности по распоряжению концессионной собственностью, длительный срок концессии и др.), неприемлемыми. Больше года тянулось это разбирательство, пока осенью 1922 г. его предложение не было окончательно отклонено⁸⁵.

Эта история не просто наделала много шума, но и причинила существенный ущерб репутации Советского государства. Мало того что Уркарт являлся крупным дельцом, он также был председателем Ассоциации британских кредиторов. В качестве «главного защитника британских кредиторов [он] выражал готовность возобновить торговые отношения в широких масштабах [с советскими республиками еще] до решения вопроса о долгах. Подобную смелость значительно реже можно было встретить во Франции или Бельгии»⁸⁶. Неизвестно, к каким последствиям привела бы реализация этого концессионного проекта, но его неудача совершенно точно охладила пыл других иностранных инвесторов, мечтавших поживиться на советских концессиях. В 1922 г. неудача постигла британского предпринимателя Дж. Даннинга, который вместе с группой бельгийских банкиров пытался взять в концессию нефтепромыслы на Северном Кавказе, ранее принадлежавшие компании «Сосьете де петроль де Грозный».

В Париже решили не повторять ошибок Уркарта. 2 октября 1922 г. Сэйду пришел к выводу, что его неудача создает важный прецедент, который должны принять во внимание французские инвесторы, желающие получить в концессию ранее принадлежавшие им в России объекты собственности. Но когда британцы попытались обвинить французов в двойной игре и связали провал своих концессионных проектов с переговорами, которые якобы вел с советскими руководителями Э. Эррио во время своего визита в Москву, французское правительство возмутилось. Свою позицию счел нужным довести до сведения французских дипломатов председатель совета министров Р. Пуанкаре. В адресованной послу в Великобритании О. де Сент-Олеру депеше 30 октября 1922 г. он выражал недовольство попытками Лондона связать руки Парижу в отношениях с советскими властями, а также напоминал, что сами британцы не проконсультивались с Францией перед тем, как дать зеленый свет инициативе Уркарта. В заключение Пуанкаре решительно протестовал против попыток британского правительства «вопреки здравому смыслу» свалить свою неудачу на визит Эррио⁸⁷.

Как следует из «дела Уркарта», советская концессионная политика также не поддается однозначному истолкованию. Разумеется, Советское правительство стремилось извлечь из концессий максимум экономических и политиче-

⁸⁵ См.: *Martin Th. S. The Urquhart Concession and Anglo-Soviet Relations, 1921–1922 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1972. Bd. 20. Nr. 4. S. 551–570.*

⁸⁶ *Williams A. J. Op. cit. P. 71.*

⁸⁷ DDF. 1922. Т. II. P. 355, 458.

ских выгод, но отнюдь не считало, что они будут вечными. Как и НЭП в целом, они предоставляли возможность ускорить восстановление экономики, разрушенной мировой и Гражданской войнами, а также воплощали политику мирного сосуществования с государствами, считавшимися принципиально враждебными советскому строю. Говоря о значении концессий, нельзя не учитывать и разногласий в советских верхах относительно их целесообразности. Как уже отмечалось, в концессионный проект советской власти верил и активно старался претворить его в жизнь Л. Б. Красин. Об этом ярко свидетельствует одна небезынтересная подробность его биографии. В августе 1922 г. в Политбюро разгорелась дискуссия о целесообразности вносить в концессионное соглашение с Уркартом пункт об арбитраже. Речь шла о независимой оценке ущерба, который был нанесен бывшим предприятиям британского бизнесмена во время Гражданской войны. В этой дискуссии Красин последовательно выступал за включение в соглашение этого пункта, утверждая, что отказ от него был бы истолкован повсеместно как «радикальное изменение» советской торговой политики, равнозначное отказу от контрактов с иностранными инвесторами⁸⁸. Но если говорить о консолидированной позиции советского руководства, то нужно признать, что оно не обольщалось насчет концессий и считало их не столько целью, сколько инструментом своей внешней политики.

Еще 13 января 1921 г. во время советско-польских мирных переговоров в Риге А. А. Иоффе предлагал Советскому правительству «откупиться» от части финансовых претензий Польши путем предоставления ей концессий: «Нужно установить форму платежа. Золото, как заявлено полякам, отпадает. Остаются концессии и сырье»⁸⁹. В апреле 1924 г. вопрос о концессиях поднял заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов в связи с переговорами о заключении общего и торгового договоров с Великобританией. Он рассчитывал склонить к уступчивости британскую сторону обещанием выгодных концессий. Литвинов рекомендовал Политбюро дать указание Главному концессионному комитету ускорить подготовку условий концессионных соглашений (в том числе с Уркартом), но преждевременно их не разглашать: «Предложить [советской] делегации [в Великобритании] ни в коем случае не приглашать в Москву ни Эркарта, ни других концессионеров, а повести с ними переговоры в тот момент, который определит делегация»⁹⁰.

Обострение международной обстановки в связи с публикацией 25 октября 1924 г. известной фальшивки под названием «письмо Зиновьева» и уход в отставку лейбористского правительства, с которым в 1924 г. были заключены общий и торговый договоры, вновь заставил Советское правительство маневрировать в своей внешней политике. 12 февраля 1925 г. Политбюро рассмотрело вопрос о концессиях, с помощью которых явно рассчитывало снизить накал международной на-

⁸⁸ *Veeder V. V. International Arbitration: A Lesson Learnt from Anglo-U.S. Mining Concessions in Soviet Russia (1920–1925) // International and Comparative Mineral Law and Policy: Trends and Prospects / Ed. by E. Bastida, T. Wälde, J. Warden-Fernández. The Hague: Kluwer Academic Publishing, 2005. P. 111.*

⁸⁹ СПО. Т. 1. С. 362.

⁹⁰ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 26.

пряженности. По результатам дискуссии было принято решение: «Признать необходимым довести до благоприятного конца соглашение с “Лена-Гольдфильдс” и продолжить переговоры с Уркартом»⁹¹.

Переговоры с Уркартом так и не были доведены до благополучного завершения. Но с англо-американской компанией «Лена-Гольдфильдс лимитед» 14 ноября 1925 г. было подписано соглашение о передаче ей в концессию Ленских золотых приисков, которыми она владела до революции. О значении, которое придавало сделке Советское правительство, можно понять из намеков Г. В. Чичерина. 15 декабря 1925 г. он, отвечая на вопросы журналистов во время визита во Францию, заявил, что «это соглашение, касающееся большей части Восточной Сибири, представляет огромное поле деятельности; те, кто подписал его, не имеют никаких опасений за свои капиталы. Часть американского экономического мира, которая заключает крупные сделки с нами, получает от этого большие выгоды»⁹². По данным Форин-офис, правда, приблизительным, американцы действительно владели в «Лена-Гольдфильдс» контрольным пакетом акций⁹³.

В целом концессии, независимо от их политического использования советским руководством, оказали благоприятное влияние на развитие советской экономики. Сошлемся на красноречивый факт: в августе 1922 г. шведский финансист О. Ашберг именно в качестве концессии учредил «Российский коммерческий банк», который в апреле 1924 г. был преобразован в Банк внешней торговли СССР (Внешторгбанк) и стал профильным кредитным учреждением народного комиссариата внешней торговли⁹⁴.

Надежды Запада на то, что концессионная политика станет прологом к отмене монополии внешней торговли, не оправдались. Большевики считали ее средством защиты слабой советской экономики от более сильных капиталистических стран. В интервью Г. В. Чичерина одному из американских корреспондентов, проект которого 18 июля 1924 г. был отправлен И. В. Сталину, подчеркивалось, что монополия внешней торговли «есть наше необходимое орудие против экономически более сильных буржуазных стран в условиях капиталистического окружения». При отсутствии монополии, согласно Чичерину, «агенты иностранных коммерсантов хищнически вытягивали бы из нашей страны ее продукты, как это делалось в Австрии и других странах, и навязывали бы нам за дорогую цену плохие товары, другими словами, сильные капиталистические центры истощали бы нашу страну, если бы она не защищалась против них посредством монополии внешней торговли»⁹⁵.

План взимания репараций с Германии («план Дауэса» 1924 г.) только усилил подобные опасения Москвы. Выступая на XIV съезде ВКП(б) 18 декабря 1925 г.,

⁹¹ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 65.

⁹² ДВП СССР. Т. 8. С. 723.

⁹³ Memorandum. The Situation in Russia, by G. Villiers. 21 February 1929 // TNA. CAB 24/202. С.Р. 79 (29). F. 360.

⁹⁴ См.: Внешэкономбанк: 75-летию Внешэкономбанка посвящается / Под общ. ред. А. П. Забазова. М.: Би., 1999.

⁹⁵ Проект интервью для Маркуссона, 18 июля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 824. Л. 38.

Сталин отмечал: «План Дауэса, составленный в Америке, таков: Европа выплачивает долги Америке за счет Германии, которая обязана Европе выплатить репарации, но так как всю эту сумму Германия не может выкачать из пустого места, то Германия должна получить ряд свободных рынков, не занятых еще другими капиталистическими странами... Кроме ряда незначительных рынков, тут Америка имеет в виду наши российские рынки»⁹⁶.

§6. Относительная стабильность

Советскому государству удалось выжить в условиях интервенции и Гражданской войны, однако правящие элиты на Западе продолжали исходить из представления о том, что советский режим в России — преходящее явление и что достигнутая им внутривнутриполитическая и экономическая устойчивость хрупка и относительна.

2 июля 1925 г. французский посол в СССР Ж. Эрбетт скептически отзывался о советской экономике, чрезмерно зависевшей, по его мнению, от превратностей сельскохозяйственного производства и иностранного кредитования. «Если следующий урожай, — сообщал он в Париж, — не удастся экспортировать на хороших условиях или СССР не получит в достаточном объеме кредитов за рубежом для закупок промышленных товаров, в которых нуждаются крестьяне, но которые не могут обеспечить им советские заводы, для стабильности червонца может возникнуть угроза»⁹⁷. 4 июня 1928 г. глава «Ройял-Датч Шелл» Г. Детердинг вообще предвещал гибель советского режима, ускорить которую своими действиями могли бы западные державы. По сведениям советской разведки, он якобы заявил на встрече с французскими деловыми людьми и членами законодательных палат, что для этого достаточно тесной координации «французской политики по отношению к СССР с английской», которая «убедит присоединиться к ним и пацифистское большинство Германии». Если Великобритания, Франция и Германия согласуют свои интересы, то «вопрос о ликвидации советского режима», по словам оратора, «настолько упростится, что... может быть решен не в течение лет, а месяцев». Детердинг якобы считал «финансовое положение большевиков» настолько плохим, что в шутку пообещал вознаграждение тому, кто «назовет ему банк в Лондоне, который мог бы учесть советский вексель». А поскольку такого человека не нашлось, он безапелляционно утверждал, что «дни советского режима сочтены»⁹⁸.

21 февраля 1929 г. Детердингу заочно вторил глава Северного департамента Форин-офис Дж. Вилльерс. Он также считал, что нужно отправить Москву в свободное падение, сведя до приемлемого для Запада минимума сотрудничество с Советским Союзом. «Предоставлять заграничные кредиты, — утверждал он, — значит дать советскому руководству дополнительный глоток воздуха, ослабить давление,

⁹⁶ Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. С. 270–271.

⁹⁷ J. Herbet à Paris, le 2 Juillet 1925 // МАЭ. Série Z. Vol. 358. Carton 619. Dossier 20. F. 127.

⁹⁸ От ИНО ОГПУ, 25 июня 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 184. Л. 13.

которое необходимо для возвращения к нормальному состоянию; это также значит продлить существование коммунистического режима, враждебно настроенного по отношению к дающей стороне»⁹⁹.

Трудно не усмотреть в этих заявлениях рецидив настроений, царивших на Западе в начале 1920-х годов. По словам авторитетного исследователя, даже на взлете сотрудничества между Советским государством и внешним миром в середине первого мирного десятилетия «было очевидно, что капиталистические державы не намеревались “интегрировать” российскую экономику в европейскую на условиях, устраивавших советский режим... Внешняя торговля пробуксовывала, крупномасштабные кредиты так и не приходили»¹⁰⁰.

Несмотря на дурные новости, приходившие с Запада, публичные заявления советского руководства были проникнуты казенным оптимизмом. 13 мая 1925 г. председатель СНК А. И. Рыков, выступая на III Всесоюзном съезде советов, рапортовал об успехах, якобы достигнутых в области торгово-экономического сотрудничества с зарубежными странами: «Чем больше мы восстанавливаем наше хозяйство, тем выгоднее с нами торговать, тем больше возможностей прибыльнее у нас работать, тем прочнее устанавливаются наши международные отношения и тем легче нам вести борьбу за мир»¹⁰¹. Однако в деловой переписке советские руководители нередко критически высказывались о результатах своего управления страной и перспективах советской внешней торговли. 17 августа 1926 г. опальный политик и бывший нарком внешней торговли Л. Б. Каменев, сдавая дела своему преемнику А. И. Микояну, так охарактеризовал положение в ведомстве, которое был вынужден покинуть: «1. Вы получаете форменную рухлядь. 2. Комиссариат без идеологии и перспектив»¹⁰².

Восстановление ее экономики являлось предметом озабоченности как советских республик, так и зарубежных стран. Но, несмотря на стремление к взаимовыгодному сотрудничеству, обе стороны не сумели разгрести многочисленные идеологические и политические препятствия, лежавшие у них на пути. В 1920—1924 гг. Советское государство в системе европейских торгово-экономических отношений занимало приблизительно такое же положение, что и Российская империя до мировой войны. Ему отводилась роль экспортера сырья, зависимого от иностранной техники и технологии, а также от зарубежных инвестиций и финансов. Советское руководство нередко пренебрегало экономическими выгодами широкого международного сотрудничества в угоду политическим интересам. Почти то же можно сказать и о зарубежных государствах. Как правительства, так и предпринимательские круги Великобритании, Франции и Германии не смо-

⁹⁹ Memorandum. The Situation in Russia, by G. Villiers. 21 February 1929 // TNA. CAB 24/202. С.Р. 79 (29). F. 360.

¹⁰⁰ *Uldricks T. J.* Russia and Europe: Diplomacy, Revolution, and Economic Development in the 1920s // *The International History Review*. 1979. Vol. 1. No. 1. P. 69.

¹⁰¹ Доклад председателя СНК СССР тов. А. И. Рыкова в вечернем заседании 13 мая // Правда. 1925. 15 мая.

¹⁰² [Конспект беседы А. И. Микояна с Л. Б. Каменевым, 17 августа 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 8. Л. 2.

гли преодолеть антипатию к большевизму и перешагнуть через трудности, обременявшие отношения с Советским государством, включая проблемы довоенных и военных долгов, а также возмещения иностранцам национализированной собственности. Но так или иначе политика мирного сосуществования и развития связей с зарубежными странами, которую проводило Советское государство в первой половине 20-х годов, принесла плоды. Она внесла вклад в экономическое восстановление Европы и привела к стабилизации экономического и политического положения самой страны Советов.